«Знаете, каково это, когда на твоих глазах вся жизнь сгорает?»

25 октября 2023

Первый пожар случился 28 августа. Спустя два дня произошёл второй, а 11 сентября — третий. Четвёртый, разгоревшийся спустя ещё восемь дней, уничтожил сразу два дома. После пятого и шестого пожаров, охвативших 22 сентября одновременно две постройки, жители Мулянки не выдержали и потребовали от властей разобраться в происходящем. Но результат мало кого устроил: в конце месяца арестовали тихого тридцатилетнего парня с ментальными особенностями, которого жители села любили и жалели. Многие не верят в его виновность, но даже поимка реального поджигателя вряд ли положит конец пожарам в посёлке. Журналист «Новой вкладки» Иван Козлов убедился, что причины, по которым дома в Мулянке то и дело воспламеняются, слишком многообразны.

1. Герман

Небольшой посёлок Мулянка, в котором живут две с лишним тысячи человек, расположен в 30 километрах от Перми — он протянулся вдоль железной дороги, которая делит его на две половины. Та, в которой находятся клуб, администрация и почта, как бы основная. Упоминая вторую половину, состоящую из частных домов, местные говорят просто: «за линией».

Именно там, за линией, вспыхнули пять из шести пожаров, пришедшихся на неполный месяц — с конца августа по конец сентября 2023 года. Там же до недавнего времени жил Герман.

Будучи инвалидом детства с диагнозом «задержка психоречевого развития», Герман Овчинников вёл практически полноценную жизнь, хотя односельчане, говоря об уровне его умственных способностей, описывают его не иначе как «большого ребёнка». Он мог получить вторую группу инвалидности, но его мама Вероника настояла на третьей, которая даётся на всю жизнь без необходимости проходить освидетельствование каждый год. Кроме того, врачи сказали ей, что с третьей группой ему будет гораздо проще устроиться на работу.

Вот Герман и устраивался… Шесть лет жизни он отдал мебельной фабрике, где ему часто поручали самые неблагодарные задачи. Кончилось это тем, что безотказного парня отправили косить борщевик *(«Новая вкладка» напоминает, что косить борщевик бессмысленно. — Прим. ред.)*. Несколько дней он приходил домой с жуткими ожогами и в конце концов по настоянию мамы уволился.

В конце 2018 года он нашёл условия получше: устроился сторожем-кочегаром и работал на этой должности до последнего времени. К осени 2023 года они с мамой накопили на дом в Добрянке — более крупном населённом пункте края. Вероника уехала в новый дом, а Герман, который мог вести самостоятельную жизнь без опеки, решил не спешить и остался отработать положенные две недели, чтобы не огорчать начальство.

К этому времени пожары уже вспыхивали в Мулянке один за другим, и местные мужчины начали патрулировать улицы по ночам. Герман приготовился держать оборону: протянул поближе к дому водяные шланги —

на случай, если их жильё тоже подожгут. На осадном положении он пробыл до 28 сентября, когда ему предстояло отработать одну из последних смен.

Так теперь выглядит баня, в строительство которой вкладывалась семья Евгения Егорова
Фото: Иван Козлов

Накануне мама приехала навестить Германа, привезла ему фаршированные перцы. Она заметила, что сын порвал рюкзак, и закинула тот своей подруге, согласившейся помочь с починкой. После этого Вероника снова уехала из Мулянки, договорившись, что Герман заберёт рюкзак из местного магазина в семь вечера, по дороге на работу.

Но в условленное время Герман не зашёл, и подруга Вероники, закрыв магазин, оставила рюкзак в будке на железнодорожном переезде. На смене Герман в тот вечер тоже не появился: к её началу парня задержали полицейские, и рюкзак, в котором остался его паспорт, он забрал уже под их присмотром.

Утром 30 сентября Мулянка узнала, что тихий и знакомый многим Герман — главный подозреваемый в серии поджогов. Против него возбудили уголовное дело по статье «Умышленное уничтожение или повреждение чужого имущества» — до пяти лет колонии. В тот же день в Telegram-канале

«Полиция Прикамья» появилось видео, на котором Герман стоит у частично сгоревшей постройки в окружении полицейских, а те задают ему наводящие вопросы, на которые он отвечает, едва ворочая языком:

— Хотели, чтобы дом сгорел?
— Нуууу… Пламя хотелось увидеть.
— Любите смотреть на огонь?
— Получается так.

Весь октябрь мама Германа провела в полном смятении: видео с признанием, доводы полицейских, посты в соцсетях и расползающиеся по Мулянке слухи подточили её уверенность в невиновности сына.

— Я, конечно, хотела его прямо спросить, понимаете. Настолько мне вбили в голову это, я думаю — ну а вдруг… Решила — взгляну ему в глаза и спрошу. И взглянула. А он говорит: «Это не я». И я перестала сомневаться, — рассказывает Вероника о первом свидании с сыном в расположенном на окраине Перми Гамовском СИЗО № 6.

В разговоре, который цитирует женщина, Герман фактически отказался от версии событий, озвученной в беседе со следователями. Женщина уверена, что изначально её сына, привыкшего верить людям и испытывающего трудности с критическим мышлением, просто обманули, пообещав, что дело ограничится домашним арестом.

Скриншот с опубликованного полицейскими видео, на котором Герман признаётся в поджогах
Фото: Главное управление МВД России по Пермскому краю

Сейчас Герман сидит в СИЗО, и с ним работает адвокат, но Вероника опасается, что сыну светит колония. В отчаянии она написала и разместила во всех местных пабликах пост с описанием ситуации, где есть, например, такие строки: «Герман всё сделал и сказал так, как они ему сказали сделать. И всем твердил одну фразу: „Да, это сделал я, в меня вселились бесы“. Это Герман мне рассказал на свидании, которое я ждала очень долго. <…> А настоящий поджигатель на свободе. Понятно, что он остановился, ему не хочется сидеть».

Версия о том, что реальный поджигатель остался непойманным, сейчас действительно активно обсуждается в Мулянке. Главным образом из-за того, что два поджога — 28 августа и 22 сентября — пришлись на одну семью Егоровых.

Вероника рассказывает, что у жителей посёлка есть объяснение: якобы дочери хозяина дома мстит её бывший молодой человек, который в период

их отношений обижал и третировал девушку, а после её ухода угрожал расправой. Полиция, правда, такую версию не рассматривала, удовлетворившись задержанием Германа, но если это и правда была месть, то она удалась: в дом, который сгорел 22 сентября, были вложены все средства семьи, не считая кредитов. Ещё раньше у хозяина дома Евгения Егорова, по словам односельчан, обнаружили рак в четвёртой стадии.

В промежутке между двумя пожарами случился ещё один, имеющий отношение к Егорову: 30 августа его мать, жившая в другой части посёлка, осталась в одиночестве, уснула с сигаретой и погибла в огне, охватившем дом.

На звонки и сообщения «Новой вкладки» Евгений Егоров не ответил.

2. Электричество

— Вы мне скажите: если эту историю так обсуждают, то почему никто помочь-то не может? — говорит Елена Тимирязева и всплёскивает руками. Мы сидим в её машине на железнодорожном переезде и ждём, пока по нему протащится бесконечный грузовой состав.

Случай Тимирязевой (имя изменено по просьбе героини) выбивается из общего ряда. Она уверена, что в причина пожара в её доме — скачки́ напряжения, которые в Мулянке не редкость.

Всё, что осталось от её жилища, — два каменных льва, когда-то охранявших лестницу на веранду. Теперь они, светло-бежевые и почти чистые, как-то неуместно торчат посреди чёрного пепелища. В другом углу участка — обугленный остов дома, опалённый огнём металлолом и поленница из мелких головешек. На остатках фундамента свалена сгоревшая картошка.

— Я мужу говорю, — восклицает Елена: «Ты зачем картошку выкопал так рано? Остались теперь без заготовок вообще». Вот знаете, каково это, когда на твоих глазах вся жизнь сгорает?

Этот участок Елена с мужем купили в 2012 году — на деньги, вырученные от продажи трёхкомнатной квартиры в городе. Через семь лет семья накопила на второй корпус дома, а ещё через четыре года, 19 сентября 2023-го, их единственное жильё за пару часов сгорело дотла.

Когда они заметили возгорание, внутренние помещения уже охватило пламя, и пытаться спасать имущество было поздно. Зато выжили все их животные: двух котов вынесли сразу, упитанного американского бульдога сосед помог вытащить через окно, а маленькая такса спряталась в тумбе на краю участка. Хотя её обнаружили только через сутки, она осталась почти невредимой — только на морде ещё не зажили ожоги от расплавленного пластика.

Участок, на котором находился дом родителей Риммы, выгорел практически полностью
Фото: Иван Козлов

Пепелище, оставшееся от дома Елены, — не единственное на улице Коллективной. Через один участок когда-то стоял дом местного жителя Егора, который жил там со всей семьёй: женой, дочерью, её мужем Толиком и двумя их дочками. Два года назад дом тоже сгорел — как показала экспертиза, опять-таки в результате скачка напряжения. Жена и дочь Егора погибли в огне.

Толик с детьми уехал из Мулянки, а Егор переселился к родственнику и запил. Позднее я встретил его на улице: Егор был пьян и медленно пересекал посёлок на подкашивающихся ногах. О пожарах он говорить

отказался:

— Да чего там. Не знаю, что сейчас. Да и у меня два года уж как… Это ведь давно. Сейчас нормально всё. Всё нормально.

У Тимирязевых никто не погиб, так что этот удар судьбы они выдержали более стойко. Правда, им тоже не помогал никто, кроме «девочек из соцзащиты», которым они до сих пор очень благодарны за наборы продуктов и предметы первой необходимости, оказавшиеся очень кстати сразу после пожара. От администрации района они не смогли добиться даже временного переселения в манёвренный фонд, хотя муниципальные квартиры в посёлке есть. Одна из них находится буквально над головами у погорельцев — на втором этаже старой двухэтажки, где им пришлось самостоятельно снять квартиру за пять тысяч рублей в месяц.

— Нам некуда было деваться, — говорит Елена. — Мы три недели в машине жили. А теперь вот квартира… Хотя раньше у нас было 230 квадратов, а теперь 15. Отдаю 50 тысяч за 10 месяцев — это десять кубов пеноблока! — просто ради крыши над головой, чтобы нас белые мухи *(снег. — Прим. авт.)* не унесли никуда.

Что касается причин пожара, то Елена уверена, что её случай не стоит ставить в один ряд с другими поджогами, поскольку у неё дом загорелся днём, да и начало гореть внутри, а не снаружи. К тому же дом её стоял вдалеке от остальных, пострадавших от огня, не за линией. Похоже, что этот пожар — просто трагическое совпадение.

Но для Мулянки это совсем неудивительно. В 2014 году из-за всё тех же скачков напряжения сгорел дом матери Елены на улице Мичурина. Все эти годы Елена переживала, что в пожаре погибли все её детские фотографии, и, возможно, поэтому, когда загорелся дом, она почти рефлекторно вытащила из огня детские фото своего сына Потапа.

Старая часть дома на участке Тимирязевых сгорела целиком, а от новой части остались только обугленные стены
Фото: Иван Козлов

Тогда же, в 2014-м, сгорел и стоявший на той же улице Мичурина дом подруги матери Елены: незадолго до этого в электрощиток попала молния, и дом вспыхнул практически сразу после того, как приехавшие электрики починили его и врубили электричество. «В том году улица Мичурина почти вся выгорела», — вздыхает Елена.

Она делает ещё несколько шагов по пепелищу, пиная мелкие угольки. За то, чтобы вывезти всё с участка и утилизировать на мусорном полигоне, нужно заплатить 82 тысячи рублей, а таких денег у семьи нет и пока не предвидится. Елена готова искать помощи у добрых людей, а вот от государства она уже ничего не ждёт.

— Я лучше за это время сама лишнюю пару мешков головешек соберу, чем на просьбы его тратить, — признаётся она. — Толку никакого. Мне кажется, у нас тут свои законы какие-то. Вот есть Россия, есть, например, США, а есть государство Мулянка, где могут человека просто бросить — и всё.

Её среднему сыну осталось служить на срочной службе в армии больше полугода. Елена в сложном положении: с одной стороны, ей хочется повсюду

кричать о равнодушии государства, а с другой — хотя о её ситуации уже рассказали многие телеканалы и интернет-СМИ, она всё ещё опасается лишнего внимания. Елена боится, что сын, который до сих пор не знает о пожаре, услышав о нём, сгоряча подпишет контракт и отправится воевать с Украиной, чтобы заработать денег для семьи.

Елена с мужем уже решили, что, как только встанут на ноги и освоятся в съёмной квартире, начнут заново отстраиваться на участке, который за прошедшее десятилетие успели полюбить.

— Все говорят: чего у нас в России так много бомжей? А им не помогает никто. Гуманитарку мы тащим камазами, а своим жителям не можем помочь — ни старикам, ни молодым, — сетует она.

Вывоз мусора стал для погорельцев отдельной проблемой, потому что стоит это очень дорого
Фото: Иван Козлов

Когда разговор о государственном цинизме закончен, я спрашиваю её о Германе.

— Я уверена, что это не он, — говорит Елена. — Мне с ним удалось поработать на мебельной фабрике «Аврора». Да, он первое время пугает, да,

по лицу у него видно, что он… не в порядке. Да, он большой здоровый парень, но, когда начинаешь с ним говорить, думаешь: «Он трёхлетний ребёнок!» У него однажды около «Монетки» хулиганы велосипед отбирали, так за него старушки заступались! Какой поджог? Никогда ничего не жёг, а тут пошёл именно Егорова поджигать?

Елена вспоминает, что после пожаров у Егоровых по посёлку стали распространяться слухи: якобы кто-то заметил мужчину, убегавшего с места преступления, и это точно не мог быть Герман, потому что он не то что не бегает — он еле ходит.

— Герман — большой медведь, — заключает Елена, — С одной стороны, страшный, а на деле пушистый и добрый. Нашли козла отпущения, и всё.

3. Шалости

Римма — подруга Елены по несчастью, с которой они часто действуют сообща, «чтобы знать, куда пожаловаться и у кого крови попить», — придерживается более нейтральной позиции.

Дом её родителей, стоявший на улице Железнодорожной, сгорел в ночь на 11 сентября. Они собирались его продавать, а теперь средств нет не то что на восстановление, но, как и у Елены, даже на то, чтобы разгрести участок и вывезти лишнее.

— Мы обращались к главе Пермского района, — рассказывает Римма. — Не за деньгами даже, а за помощью с техникой, чтобы утилизировать мусор. Но он сказал: «Если мы будем каждому погорельцу помогать, то бюджета не хватит». Теперь я всё жду, когда мне его ответ в официальном протоколе пришлют, после чего буду обращаться в вышестоящие инстанции. У меня папа и мама — инвалиды, ветераны труда, а он даже с помощью в утилизации отказывает. Я думаю, на такой должности не должен такой человек работать.

Распил и демонтаж того, что осталось от домов, тоже недёшев, поэтому срубы могут стоять на разорённых участках годами
Фото: Иван Козлов

В пожаре сгорело всё, что Римма и её родители нажили за 35 лет жизни в Мулянке. Новость о сгоревшем доме к тому же сильно подкосила их здоровье. Отец и дочь до сих пор опасаются подпускать маму к пепелищу.

Римма расстроена ещё и потому, что даже если суд присудит ей компенсацию, то взять с Германа будет явно нечего. В том, что в поджогах виноват именно он, она не то чтобы не сомневается, но просто не видит причин не доверять следствию.

— Полиция сейчас подробностей не раскрывает, — говорит она, — но раз они его нашли, значит, действительно нашли, верно? Бастрыкин же за делом наблюдает! И они [следователи] как-то же, значит, вышли на него. Сейчас экспертизы вот проводятся — всё это ведь не просто так.

Эта вера в следственные экспертизы у Риммы странным образом сочетается с недовольством оценкой своего пепелища, которую провели сотрудники МЧС. По словам женщины, они бездействовали десять дней, а в итоге и вовсе предложили провести экспертизу «по фотографии» и изначально выдвинули версию с неисправной проводкой (хотя, покидая дом, Римма с родителями

обесточили его), а затем — версию с непотушенной сигаретой (хотя в семье никто не курит).

Версия поджога стала в её деле основной только после того, как одна из жительниц Мулянки написала обращение к Бастрыкину.

— Говорят, мол, Герман умственно неполноценный, — заключает Римма. — Ну так это же не значит, что он недееспособный: он вот лицей закончил в Бершети, работал.

Следы пожаров разных лет можно встретить во многих уголках посёлка
Фото: Иван Козлов

Завскладом в ООО «Пермский завод неавтоклавного газобетона» Анастасия Аристова, под началом которой Герман работал в котельной, с Риммой не согласна.

— Доброжелателен, отзывчив, характер у него очень мягкий, на него можно положиться, — выдаёт Анастасия характеристику Герману. — На новогодние праздники он украсил своё рабочее место шарами и мишурой, создавая себе и нам праздничное настроение. Я знаю его очень давно: этот человек неспособен ни причинить вред чужому имуществу, ни зайти на территорию чужую, особенно в ночное время. Он в кабинет-то входит — и то всегда

стучит и не заходит, пока не пригласишь.

Не считает она Германа и пироманом: «При работе кочегаром пламени ему было достаточно, и вообще он его опасался и применял дополнительные меры безопасности при обращении с ним. А версии… слухов много, от бывшего друга дочери хозяйки трёх сгоревших построек до подростковых шалостей».

4. Бог

Марина Брагина — та самая жительница Мулянки, которая первой обратилась к Бастрыкину и подняла шум в соцсетях. О выводах следствия Марина говорит осторожно: Германа она лично не знала, но не раз видела в селе, и он всегда казался ей совершенно безобидным парнем. Марина не желает никого обвинять, но оговаривается: «Никогда не знаешь, что у другого человека в голове». Собственно, затем, чтоб специально обученные люди разобрались, у кого что в голове, она и развернула свою активность, не будучи общественницей: ей просто хотелось расшевелить администрацию и полицию. Марина убеждена, что подобные преступления если и раскрываются, то в основном по горячим следам.

— Я обычный человек. Мне просто людей жалко, многие остались без всего. Посёлок растёт со всех сторон, трансформаторы старые, слабые. Электричество скачет, — говорит она и вдруг делает неожиданный вывод: — Церковь сюда нужно, ну хоть крест Божий, чтоб под защитой быть.

Про Бога Марина вспоминает неслучайно: в посёлке нет храма, и людям негде молиться. Проблема эта стоит в Мулянке настолько остро, что жители пытаются решать её своими силами.

Точнее, один житель, которого зовут Александр Патокин. Это пенсионер, чей дом находится почти на самом краю села, около заросшего оврага, на дне которого протекает безымянный ручей. Патокин всю жизнь проработал в министерстве сельского хозяйства, и в девяностые, когда все окрестные предприятия стали разваливаться, а их бывшие сотрудники — тащить из заброшенных корпусов что попало, Патокин приметил оставшиеся в теплицах алюминиевые абажуры, которые висели над рассадой, и забрал их себе. Но не наживы ради, а потому что понял, что по форме они

напоминают половинки церковных куполов.

С закрывшихся предприятий Патокин забрал не только плафоны, но и бюсты вождей, которыми украсил участок
Фото: Иван Козлов

В 2002 году, когда ему исполнилось 50 лет, Патокин возвёл в овраге за домом странную маленькую церковь грязно-бирюзового цвета, больше похожую на сарай, а на крышу водрузил 50 куполов. На протяжении следующих двадцати лет он каждый год прибавлял по одному куполу, в результате чего к середине десятых годов церковь приобрела фантастический вид: блестящие маленькие купола неприятно теснились на её крыше, как яйца огромного болотного насекомого. Некоторые жители Мулянки тем не менее начали ходить в это странное сооружение, чтобы молиться Богу.

В последний раз я видел Патокина лет десять назад — и тогда же написал о его церкви небольшой очерк *(в тексте по ссылке допущена ошибка в фамилии героя. — Прим. ред.)*. Сейчас окрестности изменились до неузнаваемости, и, чтобы найти нужное место, мне приходится спрашивать дорогу у местного жителя — пожилого мужчины в кожаной ушанке, который копается у себя на участке, заваленном металлоломом и запчастями.

Узнав, что перед ним журналист, тот радуется. «У меня дочь 15 лет на Центральном телевидении в совете директоров была, а как СВО началась, ушла, как и все честные люди, которые не захотели с этим мириться, врать людям», — говорит он, но вскоре понимает, что я приехал в Мулянку из-за аномальных пожаров:

— Моё мнение знаете какое? То, что они там парня поймали, — так это они просто крайнего нашли. Дома почему горят? Потому что земля кому-то нужна. Как ведь говорится: «Ищи, кому выгодно», да? Даже если, может, этот Герман и исполнял, то не сам ведь придумал, а заказчиков всё равно не найдут. Земля здесь в цене, постоянно горит что-то. Вон, видите, печка стоит?

Мужчина указывает рукой за длинный забор — за два участка от нас посреди заросшего травой огорода стоит кирпичная печь.

— Тоже дом был. Тоже сожгли несколько лет назад — и ни правых, ни виноватых.

Мужчина представляется Николаем. Он оказывается соседом Патокина и, узнав, что я разыскиваю самодельную церковь, внезапно начинает вываливать на него компромат:

— Да там и не церковь, а так, декорация. А Патокин этот… Я уже пять раз с ним судился. У него там на участке стоят бюсты Ленина и Сталина. Один раз он знаешь что на меня написал? Что мы, мол, Сталину и Ленину на головы того, нагадили. Правда, он в заявлении написал просто «на скульптуры» и не указал, на чьи. Меня в суде об этом спросили, я говорю: Сталина и Ленина. А там прокурорша говорит: «А кто это такие?» Да-а-а, вот так нынче.

С чего начался их затяжной конфликт с соседом, Николай так толком и не объясняет. Только говорит загадочно:

— Эээ, что такое Мулянка? Осиное гнездо, вот что. Если в двух словах — Кущёвку знаете? Вот у нас тут Мулянская Кущёвка.

Вокзала в Мулянке больше нет, а станцию окружают пустоши и времянки РЖД
Фото: Иван Козлов

Самого Патокина я застаю дома. «Главарь» Мулянской Кущёвки оказывается совсем не похож на Цапка. Это тихий скромный пенсионер, больной диабетом и оттого еле передвигающий ноги. Он опережает меня вопросом:

— А чё по поджогам-то?

Я отвечаю, что успел удивиться тому, что у каждого в посёлке есть история про пожар.

— Да, — говорит он. — У нас много пожаров. Тут за линией лет семь назад дом двухквартирный сгорел, но там парень мать закрыл дома на замок, чтоб она никуда не ползала. А она закурила, видимо, да и сгорела. Давно это было *(Патокин, возможно, путает эту историю с историей Егорова, случившейся месяц назад. — Прим. ред.)*. Тут тоже по соседству горел дом. А потом это всё началось.

Я спрашиваю, что он думает про арест Германа.

— Как не верить, — как-то даже возмущённо отвечает Патокин. — Это такой

народ... Я удивился, почему раньше не догадались, что это он. Он же инвалид, за ним мать должна смотреть, а она в Добрянку уехала, оставила ему китайской лапши полный холодильник. Так он, видимо, и дошёл до ручки. Близко я его не знаю, но, скорее всего, так всё и сложилось. На своей улице поджёг, на соседней. О чём тут говорить?

Действительно, говорить об этом мне больше не хочется, поэтому я спрашиваю про церковь.

Оказывается, Патокин разобрал её два года назад — вскоре после того, как поставил на крышу семидесятый купол. Выяснилось, что текущий в овраге ручеёк — вполне себе речка, и инспекция настояла на том, чтобы Патокин убрал церковь из водоохранной зоны. Вместе с сыновьями он разобрал её на дрова, а купола сдал в цветмет, оставив себе на память только три штуки. За такое количество алюминия он выручил почти 30 тысяч рублей.

— Ну и ничего, — задумчиво произносит Патокин, — просто время пришло.

На обратном пути от его дома меня нагоняет Николай на автомобиле.

— Ну что, — задиристо спрашивает он, — были у Патокина? Как он там? А за церковью его ребята кололись! Я их сам гонял.

— Зато достопримечательность была, — отвечаю я, — теперь нету.

Действительно, с исчезновением церкви Патокина Мулянка осталась не только «без креста», но и без предпоследнего хоть сколько-то значимого архитектурного объекта — до наших дней дожила одна только вековая водонапорная башня у вокзала. Раньше она входила в один ансамбль со зданием вокзала — красивым теремком в стиле деревянного модерна, больше века назад спроектированным архитектором Феофаном Вольсовым.

Нетрудно догадаться, что не так давно, 24 февраля 2019 года, вокзал сгорел. Здание снесли, и на его месте сейчас ровная забетонированная площадка. Причины пожара так и остались невыясненными.